

Переводчик: Антония

В ту ночь Фан Таор был потоплен в реке.

В ту ночь Чжан Гэнбао был задержан в родовом зале и в наказание преклонил колени.

В ту ночь тетя Ли потеряла все волосы. Тетя Фан чуть не ослепла от слез и всю ночь пинала имитированную куклу.

В ту ночь сестра Чжан убирала в доме, мыла, убирала и ремонтировала...

Некоторые были слишком взволнованы, чтобы спать, в то время как другие вздохнули. Другие собрались на семейное собрание, чтобы предостеречь женщин от случайных выходов, а мужчин - от честной и чистой жизни....

В ту ночь многие не засыпали, включая Мо Цяньсюэ.

Она вздохнула, как хрупка древняя женщина и как несправедлива может быть ее судьба. Обе были совершителями прелюбодеяния, но женщину потопили в реке, в то время как мужчину только затопили в зале предков.

Мо Цяньсюэ лежал на кровати, поворачиваясь и бросаясь.

То, что говорил Фан Таоер, все время повторялось и бомбилось в ее голове.

"У тебя нет ни сватовства, ни обручения..."

"Вы также не поклонялись ни небесам и земле, ни его родителям с мистером Нингом". И не рожали детей для него..."

"Как нелепо, что ты думаешь, что ты его законная жена..."

В сатире продолжал идти снег, и она становилась все яснее и яснее.

Ааааа! Разве она не была законной женой? Это называлось незаконными внебрачными отношениями?!

Нин Шаоцин чувствовал, что у Мо Цяньсюэ есть что-то на уме. Он подумал, что она испугалась случая, когда Фан Таоер утонул в реке, поэтому он протянул руку и взял её в свои объятия. Плотно обняв, он хотел дать ей немного тепла.

"Не бойся. Я всегда буду рядом с тобой".

Виолончельный шепот щекотал ухо Мо Цяньсюэ, которое, как обычно, не опьяняло, а мгновенно вспыхнуло: "Я должен жить в другой комнате".

"Почему?" Нин Шаоцин улыбнулся и сел. Опасаясь, что она простудится, он взял пальто, чтобы надеть его, и снова обнял ее, полагая, что она снова стесняется: "В крайнем случае... я больше не буду снимать с тебя одежду".

Мо Цяньсюэ сейчас не в настроении шутить с ним: "У нас нет сватовства или обручения, и мы не поклонялись ни небесам, ни земле, ни твоим родителям". Это неправильно, что мы так живем вместе".

Нин Шаоцин почувствовал серьезность тона Мо Цяньсюэ, немного запаниковал, и его лицо сразу замерзло: "Кто это сказал?".

"Неважно, кто это сказал." Беспокойный, Мо Цяньсюэ изо всех сил пытался избавиться от объятий.

"Я не согласен!" Нин Шаоцин звучал твёрдо и серьёзно.

"На основании чего?"

"Нет значит нет!" Доминирующий персонаж Нин Шаоцина снова выпрыгнул: "Кто сказал, что у нас нет свахи? Ты женишься на мне, как счастливчик, поэтому староста и глава деревни - наш сват. Нефрит, который ты носишь - это реликвия Нинга; это подарок на обручение.

Если ты хочешь поклониться небесам и земле, мы можем сделать это прямо сейчас. Что касается поклонения моим родителям, то я приведу тебя к ним в будущем. Пока я узнаю тебя как свою жену, ты моя жена. Почему тебя так волнует то, что сказали другие?" Пока он узнал ее как свою жену, она была его женой?

Сначала автократическое утверждение звучало сладко и опьяняюще. Это было верно. До тех пор, пока он признает ее своей законной женой, почему ее должно волновать, что думают другие? Пока он признавал ее, и пока она это принимала.

Однако, если в будущем он узнает какую-нибудь другую женщину как наложницу, то, на секунду подумает, что если он узнает какую-нибудь другую женщину как наложницу? Должна ли она до сих пор не дает дерьмо на мнение других? Должна ли она также принять это?

В прошлом Мо Цяньсюэ считал, что у Нин Шаоцина не было наложниц по двум причинам. Во-первых, у него было плохое здоровье, во-вторых, наложницы в деревне Ван не были бы

нормальными. Бедные деревенские жители едва сводили концы с концами и не имели денег, чтобы взять наложниц.

Но теперь она знала, что Нин Шаоцин богат. По своей идентичности и происхождению он более чем нормально принимал наложниц, особенно в этом древнем обществе, где мужчины почитались как небеса. Что ей делать, если в будущем он возьмет несколько наложниц, когда его физическое состояние улучшится?

В сложных выражениях Мо Цяньсюэ пропустил через себя множество мыслей и сразу решил: если он будет хорошо с ней обращаться, то она будет ему верна. Если он осмелится принять наложниц, она сразу же уйдет от него, не оставив места для исправления отношений.

Думая об этом, Мо Цяньсюэ прозвучало иронично: "Если ты признаешь меня своей женой, то я - твоя жена". Если ты больше не признаешь, то я больше не твоя жена? Я такая страшная, так почему бы нам не жить в разных комнатах?"

Потом она добавила: "Кроме того, я не делюсь зубной щеткой и мужчиной."

Сегодня она должна выяснить его взгляд на брак.

Прошное не должно нести ответственность, но будущее непредсказуемо. Было бы лучше, если бы она заранее знала, как этот мужчина относится к их отношениям.

"Вы не делитесь зубной щеткой и мужчиной". Дорогая, ты говоришь о наложнице?"

"Именно." Решительные глаза Мо Цяньсюэ смотрели прямо в сияющую яркую пару Нин Шаоцин. Вот что она имела в виду. Не нужно прятаться.

Холодное лицо Нин Шаоцин застыло на секунду, но быстро расколелось улыбкой. Его маленькая жена ревновала. Тем не менее, он никогда не думал о том, чтобы заполучить других женщин, кроме нее.

Это было так смешно? Как она и ожидала, мужчина был кокетлив по натуре, или почему он улыбался, слыша наложницы?

Мо Цяньсюэ улетела в ярость, прыгая и вытягивая ногу, чтобы пнуть его, и тайно ругаясь: шовинистическая свинья, иди найди себе другую кровать.

Нин Шаньцин, перестав улыбаться, сжимал ее ногой и со всей серьезностью говорил: "Хочешь верь, хочешь нет, но я никогда не думаю брать наложниц".

Потом ладонь погладила гладкую маленькую ножку. Мо Цяньсюэ почувствовал волну тепла,

когда получил желаемый ответ. Она попыталась забрать ногу назад, но несколько попыток отступления не увенчались успехом.

Прикосновение к ноге было густым и зудящим.

Как бы она ни боролась, Нин Шаоцин продолжала тереть и расставлять точки над ногами.

Вопрос Мо Цяньсюэ напомнил ему о грязных схемах и заговорах, которые происходили в его первоначальном особняке. Хотя он не был участником, он всегда слышал о подобных вещах. В семье Нин было только два законных сына, он и его младший брат. Были не сыновья, а дочери наложниц.

Он слышал о безжалостных замыслах своей мачехи, но когда он думал о том, с какой любовью она заботится о нем с сияющей улыбкой, он не хотел верить этим сплетням или верить в то, что она порочная женщина.

Оглядываясь назад, она не осмелилась подставить его, потому что ждала подходящего момента и разумная причина заблокировала рот всему миру.

Вспоминая вражда в особняке по сравнению с миром и уютом, которыми он наслаждался с тех пор, как встретил Мо Цяньсюэ, Нин Шаоцин перестал ласкать маленькую ножку.

Ему никогда не хотелось поверхностной силы или славы кучки жён и наложниц. Он хотел спокойной и сладкой жизни с Мо Цяньсюэ и старости с ее рукой в руке.

"Я, Нин Шаоцин, клянусь небесами, что Мо Цяньсюэ будет моей женой только на всю жизнь". Если я нарушу эту клятву, я..."

В спешке Мо Цяньсюэ прикрыл свой рот ее рукой.

Такая клятва испугала Мо Цяньсюэ, потому что древние люди ценили клятву в ужасной степени, и она не хотела слышать никакой ужасной клятвы, исходящей из его рта.

Она была женой только на всю жизнь! Приятным было объявление о том, что Мо Цяньсюэ находит его неоднозначным.

На всю жизнь. Это может быть его жизнь или ее жизнь. Ее жизнь была бы длинной, но его может быть короче, менее чем на два года...

Мо Цяньсюэ стало грустно: "Не клянись. Я верю тебе!"

Она подошла к нему, взяла на себя инициативу поцеловать Нин Шаоцина. Он закрыл глаза. Это был первый раз, когда она активно поцеловала его.

Воздух в комнате снова стал сладким...

Конечно, сладость естественным образом текла до самого конца.

*

Посреди ночи в зале предков раздался крик.

Деревня снова мгновенно взбудоражилась.

После крика люди сразу же бросились в родовой зал, чтобы увидеть, как Чжан Гэнбао стоит там с ножом в руке, в то время как Ли Кайши лежит на земле, весь в крови, рядом с его штанами.

Поэтому в полночь в предковом зале собрались факелы.

Глава деревни, старейшина Гао и старейшина Юнь были притащены сюда из своих одеял.

Из-за скандала Фан Таоер и Ли Кайши старейшина Фан и старейшина Ли были лишены своей личности как старейшины. В деревне планировалось выбрать в качестве старейшин и других стариков, обладающих высокой честностью и престижем. Поэтому в настоящее время только трое из них могут руководить делами деревни.

Некоторые оказывали первую помощь Ли Кайши, а другие допрашивали Чжана Гэнбао. После всех этих кропотливых усилий, вся история стала достоянием общественности.

Ли Кайши, потеряв все лицо, стал убийцей. Фан Таоер был потоплен в реке и умер, но ярость Ли Кайши совсем не прошла.

Чжан Гэнбао, тот, кто разрушил его жизнь, был все еще жив, довольно хорошо.

Он не позволял ему жить хорошо. Он должен тащить человека, чтобы разделить жалкую жизнь. Для этой жизни он не мог быть мужчиной, так что тот, кто украл его жену, тоже не должен быть мужчиной.

Поэтому в полночь Ли Кайши прокрался в зал предков. Первоначально он планировал отрезать эту штуку Чжан Гэнбао, когда он спал, но, как ленивый и калека, который редко работал, у Ли Кайши не было много сил.

Когда он бросился к Чжану Гэнбао, он только поцарапал руку, и после раунда борьбы, наконец, Ли Кайши не только не выполнил свой замысел, но и выдал свое истинное намерение.

Чжан Гэнбао проглотил огонь ярости. Он взял нож в руки и, подумав о том, что сказал Фан Таоер, что Ли Кайши днем и ночью пытал ее, под порывом, проткнул ножом вещь Ли Кайши один, дважды...

Даже он сам не знал, сколько ударов он ему нанес. Его глаза были красными в сердце страсти.

Чжан Гэнбао думал так в то время. В любом случае, Ли Кайши нельзя было считать мужчиной. Если в будущем он будет принимать наркотики и испытывать отвращение к другим, почему бы не покончить с этим раз и навсегда, чтобы в будущем парень никогда не оправился и не тратил деньги впустую.

Зрители вздохнули. Сюда был приглашен врач из соседней деревни.

У Чжана Гэнбао были только царапины на руках, что совсем не имело значения.

Состояние Ли Кайши было ужасным. Даже босоногий доктор покачал головой после перевязки.

Доктор сказал, что хотя состояние Ли Кайши не было опасным для жизни, его вещь была порублена Чжаном Гэнбао, поэтому за эту жизнь он больше никогда не сможет быть мужчиной. Даже мочеиспускание было бы для него трудной задачей, и, скорее всего, у него было бы недержание.

На данный момент, старец Ли бросился вперед, в попытке убить Чжана Гэнбао, но был отброшен назад толпой.

Раньше, хотя Ли Кайши страдал дисфункцией, пока у него был орган, был проблеск надежды на выздоровление. Теперь, без органа не было никакой надежды.

Несмотря на то, что старейшину Ли тащила толпа, от старосты деревни нельзя было скрыть его убийственные глаза с острым ножом.

С такой враждебностью семья Ли не могла легко отделаться от этого. Опасаясь дальнейших инцидентов, староста деревни отправил Чжана Гэнбао в Ямэнь (правительственное учреждение в феодальном Китае) города Тяньсян до рассвета.

Следовательно, жизнь или смерть Чжана Гэнбао была передана чиновникам и не имела никакого отношения к деревне Ван. Таким образом, семья Ли не была бы оскорблена, и деревне не нужно было бы беспокоиться о будущих рисках.

Перед тем, как отправить Чжан Гэнбао, глава позволил людям пригласить сестру Чжан, которая, услышав цель, только покачала головой, ответила простым "чем угодно", а затем вернулась к уборке дома.

Отправители сообщений посмотрели друг на друга в замешательстве. Каждое тело знало, что сестра Чжан - болтуня, которая могла безостановочно выливать слова, когда на самом деле не о чем было говорить. Но в настоящее время, при таком серьезном событии, она должна говорить только то, что не спешит?

Они сочли это странным и знали причины, поэтому заставили улыбнуться и уговорили сестру Чжан еще раз взглянуть на мужа. В конце концов, как только его отправят в Ямень, он будет отбывать срок не менее нескольких лет за умышленное ранение.

Если она хотела встретиться с ним, она должна была поехать в город Тяньсян.

Но сестра Чжан всё равно сказала, и теперь она слишком занята, чтобы идти в родовой зал.

Это было нормально, что Чжан Гэнгао обманул ее.

Это было нормально, что Чжан Гэнгао ударил ее ради другой женщины.

Тем не менее, она не могла простить его за то, что он рассказал о ее личной жизни этой нелюбимой сучке. Какая же она была в его сердце?

Да. У неё были физические проблемы, но она страдала от них только потому, что родила его сына.

Ей было жаль, но она всегда оставляла ему хорошую еду и вино.

Чтобы заставить его гордиться, она усердно работала, тратила свое приданое и бросала лицо, чтобы занять деньги у своей первоначальной семьи, просто чтобы купить для него конный экипаж.

Чтобы выплатить кредит, она не могла быть жестче к себе и была известна как пресловутая скупщица.

Однако, что она наконец-то получила? Она согласилась бы на развод, если бы он положил карту на стол.

Но зачем он ее так унизил? Она всю жизнь впечатляла людей, как жесткая женщина. Были только времена, когда она унижала других, но она никогда не ожидала, что теперь она стала посмешищем для всех.

Делая домашнюю работу, сестра Чжан не переставала проливать слезы.

Сегодня был не обычный вечер для нее. Бурная ночь.

Вскоре после того, как отправители сообщения уехали, к нам подошли люди из семьи Ли, забрали конный экипаж, обыскали каждый уголок дома за деньгами, перевезли все ценное и даже вылили рис в цистерну.

Раньше, если бы кто-нибудь осмелился вот так безудержно разграбить ее дом, она бы давно взяла нож, избила и прогнала всех до единого.

Но в эту ночь она просто спокойно посмотрела, а после того, как они ушли, вернулась к уборке...

На рассвете сестра Чжан вылила последнее зёрнышко риса, чтобы приготовить чашу каши для своего сына, а затем, в слезах, позволила сыну записать то, что она сказала.

Она сказала, что у нее нет лица, чтобы продолжать жить в деревне Ван. Она видела сквозь суету жизни и собиралась стать монахиней в храме. Она только надеялась, что Мо Цяньсюэ сможет помочь ей позаботиться о своем сыне Тичжу.

Тогда она приказала Тьежу передать Мо Цяньсюэ письмо после школы.

В конце концов, Чжан Тьежу был всего лишь десятилетним мальчиком. Он спросил только тогда, когда увидел, что его мать так грустит, но его легко обманули. Хотя он беспокоился о ней, он все равно покорно ходил в школу.

Как только Чжан Тежу ушел, сестра Чжана взяла свою стаю, вышла из дома и направилась к храму Мира рядом с храмом Ханьшань.

<http://tl.rulate.ru/book/14777/892863>